

взаємодію всіх учасників. Не випадково головна роль відводиться творчому процесу, який спирається на рівень майстерства учасників фестивалю.

Фестивальні заходи сприяють створенню максимально широкого поля для творчої взаємодії як професіоналів в області різних видів мистецтв – театру, музики, кінематографу, так і глядачів. Сучасний фестиваль має велику кількість методів, реалізується в культурно-творчих, культурно-охоронних, рекреативних, освітніх та комунікативних технологіях соціально-культурної діяльності та представляє собою важливе соціокультурне середовище виховання.

Список використаних джерел

1. Давидовський К. Міжнародний фестивальний рух у формуванні культурно-мистецького середовища України (на прикладі міжнародних музичних фестивалів «Київські літні музичні вечори» та «Віртуози планети»). *Культурологічна думка*. 2011. № 3. С. 94-100.

Радионова Л. А., кандидат философских наук, доцент,
Самсоненко А. В., студентка Учебно-научного института

экономики и менеджмента,
*Харьковский национальный университет городского хозяйства
имени А. Н. Бекетова, Украина*

ФЛАНЁР В РЕФЛЕКСИИ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Прочтение города как текста расширяет его смысловое поле. Культуролог и семиотик Юрий Лотман отмечал, что среди черт такого текста можно выделить прежде всего кодовую гетерогенность (зашифрованность несколькими кодами) и семиотическую неоднородность.

Возможность более глубокого понимания и прочтения урбанистических смыслов конкретизируется посредством «опыта» (Г. Гадамер), когда городская действительность не только познается, но и переосмысливается, проживается человеком. Интерпретация городских текстов заключается не в проникновении в изначально заложенный авторский смысл текста, а в создании нового смысла. Изменчивость и динамичность городской жизни обуславливает соответствующее смещение и изменение смыслов в сознании наблюдателя.

Внимательный к городу прохожий или фланёр (от французского *flâneur* – «гуляющий») на самом деле не только наблюдает, а и вступает в двусторонний контакт, диалог с городом, погружаясь в собственные эмоции, ощущения и восприятие. Фланёр – это «определенный режим взгляда, которому свойственно любопытство, сочетаемое с некой рассеянностью, но вместе с тем это и характеристика движения по городу, маршруты, пластика, ритм. Иными словами, фланёр – один из возможных персонажей, на которые распадается эмпирический субъект ...» [1, с. 2].

Одновременно с развитием коммерческого характера городов и всплеском процессов урбанизации в XIX веке улицы стали наполняться «гуляющими без

определенной цели людьми, которые занимались тем, что просто наблюдали – за городом, за незнакомыми людьми на проспектах, именно они видели, как менялись города, появлялись новые технические изобретения, внедрялись и исчезали модные поветрия... «Побочный эффект» роста городов, анонимизации городской жизни – повседневные наблюдатели, фланёры. Туристы в родном городе превращают рутину и обыденность в объект наслаждения – эстетического, визуального, а каждого из прохожих – посторонних, чужаков – в объект неподдельного интереса». Именно с помощью режима наблюдателя, фланёра для горожанина раскрывается истинная жизнь города.

Если архитекторы Возрождения воспроизводили идеальный город, полностью удовлетворяющий физические и эстетические потребности человека, то в современном мегаполисе город бросает вызов природе. «Своим силуэтом он противоречит линиям природы. Он отрицает всю природу. ... а под конец возникает... город-мировая столица, город как мир...», – пишет Освальд Шпенглер о душе города в книге «Закат Европы» [3].

Формируется не архитектурно-коммуникативное, а семантически-образное городское пространство, содержательно осмысленное и эстетически наполненное. Таким образом город выходит на новый коммуникативный уровень. Настоящее живое бытие города раскрывается в базовой составляющей социальной реальности – «столкновении» материальных и символических объектов.

Развитие новых технологий приводит к переменам в развитии публичных пространств. Пространство города сначала обустроивается новыми «моральными местами», следом за улицами и скверами появляются театры, выставки, клубы, кофейни и бары. В этих местах оформляется коллективное чувство, общие смыслы, оттачивается вкус, они так же становятся центром общения между людьми [4, с.176]. Город разрастается вглубь (подземный транспорт) и вверх (небоскребы), приобретает вид известного нам сегодня мегаполиса.

Основными приоритетами в обустройстве жилища становятся прежде всего комфорт (для обеспечения отдыха человека, полностью отдающего работе) и многофункциональность (для экономии времени). Ускорение передвижения по городу, а значит и темпа жизни, изменение топографии города и жилья по принципам утилитарности и комфортности стали, собственно, реализацией старой идеи индивидуализма. Однако, в результате этих инженерных решений, направленных на изменения тела города, изменяются тело и дух горожанина. Человек, оказываясь в городе в поисках независимости, остро ощущает одиночество и безразличие других.

Б. Марков пишет: «Столь же напряженно переживается конфликт города и индивидуальности. Ищущий независимости человек, попав в город, остро чувствует свое одиночество и индифферентность других. Город живет скоростью и многообразием контактов, но они не дают удовлетворения человеку, ибо являются слишком быстрыми и вместе с тем поверхностными. Несмотря на то, что жизнь в городе бьет ключом, он является мертвым. Реклама,

зрелища интенсифицируют зрение и будят желания, однако за всем этим скрывается глубокая апатия» [4, с. 179].

В современном урбанистическом обществе нарратив (повествование) как таковое отходит на задний план. На смену артикулированной речи античной агоры на шумные улицы современного города выходит визуальная коммуникация. Об этом Б. Марков пишет: «Вместо долгих завлекательных разговоров молодые люди обмениваются взглядами и улыбками. Они вспыхивают и гаснут, как огни рекламы, и поддерживают человека в мире, где реальность и иллюзия неразличимы» [4, с.181-182]. А сегодня, в условиях превалирования цифровой медиареальности, мы можем прибавить к этому ещё и мессенджеры, смайлы, стикеры и GIF-ки в нашей повседневной, в значительной мере опосредованной гаджетами коммуникации.

Горожане, поневоле погруженные в своих обыденных делах в пространство повседневности, оказываются буквально «слепыми» по отношению к своей среде. Перемещение «на бегу», поверхностные и анонимные социальные контакты, коммуникация, скорее, как дань ритуалу и вежливости, а не удовлетворение социальных потребностей (это чаще происходит в виртуальных социальных сетях), созерцание фрагментов города преимущественно через окно общественного транспорта. Это формирует восприятие всего как данности. Для современного горожанина жизнь характеризуется автоматическими действиями, ежедневно направленными на дом, семью работу или другие сферы жизни. По большей части эти действия характеризуются рутинностью, монотонностью, одинаковостью, многократной повторяемостью одних и тех же актов регулярно. Повседневность ориентирует человека на приспособление, адаптацию, вписывание себя в урбанистическое пространство, типизацию, стандартизацию, соответствие образу городского жителя.

Повседневность можно понять с помощью сопоставления: будничность – праздничность, привычное – непривычное, массовое – элитарное, универсальное – партикулярное, традиционное – новаторское и так далее. Поскольку повседневное – это привычное, упорядоченное, близкое, обезличивающее человека, препятствующее его свободе, то его противоположность, неповседневное, толкуется как необычное, далекое, утверждающее индивидуальность и дарующее свободу.

В современном городе новые смыслы, рождающиеся как отклонения от повседневности, проявляются в стилистическом разнообразии архитектуры (формы зданий и сооружений, ландшафт городской застройки), в смене определённых привычек, социальных ритуалов, в новом символическом содержании предметов и явлений. Новые смыслы, необычность и экстравагантность возможны лишь благодаря преодолению повседневности. Тогда, когда перемены касаются структур повседневности, в частности чувственно-телесных, они становятся возможными на уровне интеллектуальной и знаково-символической сфер.

Таким образом, городская повседневность содержит факторы, определяющие урбанистическую реальность как особую коммуникативную систему с собственными знаками, правилами их комбинаций и схемами их прочтения, а также универсальным кодом, с помощью которого читается город и интерпретируется его семантика. И повседневность – это установка сознания горожанина на принятие городской действительности как данности, главным образом утилитарной. Она не фиксируется сознанием, все действия протекают автоматически и нерелфлексированно. Но, как отмечает Радионова Л. А., повседневность способствует образованию различных коммуникативных пространств, в которых сообщения передаются, в том числе, по таким визуальным каналам, как визуальная реклама в городе и граффити [5, с. 404-406]. То есть, повседневность опредмечивается социальными смыслами (семантика архитектуры, семантика жилища, семантика городского интерьера, и т. д.). Поскольку горожане ежедневно вовлечены во множество коммуникативных ситуаций, пространство повседневности является многозначным, многоуровневым и полилингвистическим.

Список использованных источников

1. Запорожец О. Н., Лавринцев Е., Прятки, городки и другие исследовательские игры (Urban Studies: в поисках точки опоры). *Comunitas. Сообщество*. 2006. №1. С.1-8.
2. Желнина А. Фланёр. Социологические прогулки. URL: <http://www.urban-club.ru/?p=12>
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. С. 265.
4. Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб. : Издательство «Алетейя». 304 с.
5. Повседневность городской коммуникации / Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: материалы XVII Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета, 14–15 апреля 2014 года: доклады / редкол.: Л. А. Закс и др.: в 2 т. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2014. Т. 1. 404–409 с.

Рассоха І. М., доктор філософських наук, професор,
*Харківського національного університету міського господарства
імені О. М. Бекетова, Україна*

«АНТРОПНИЙ ПРИНЦИП» І ПРИСКОРЕННЯ ІСТОРІЇ 12/4

Ідея про те, що хід історії людства з часом прискорюється, далеко не нова. Досить подивитися на зміст будь-яких багатотомних видань «Всесвітньої історії», щоб переконатися, що основний їх зміст стосується **самої недавньої історії**. Там говориться дуже докладно про сучасність, дещо менше про ХХ-те століття, значно менше про ХІХ-те, а події всіх попередніх століть людської